

А. С. Барабаш*

НЕЗАКОННОЕ НАСИЛИЕ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ И СПОСОБЫ ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ

Насилие в России давно стало повседневностью. Оно настолько распространено, что многие члены общества воспринимают его как необходимую данность, смиряясь с его существованием, а в определенных сферах жизни находя его даже оправданным. Речь, прежде всего, идет о деятельности по раскрытию и расследованию преступлений. В 2004 году красноярской правозащитной организацией «Общественным комитетом по защите прав человека» был проведен опрос различных групп населения о распространенности пыток в деятельности правоохранительных органов. Среди многих был вопрос о допустимости применения принуждения к даче показаний при раскрытии и расследовании особо тяжких преступлений. Допустимым насилие в этих случаях признают 58 % опрошенных среди населения, 69 % опрошенных сотрудников милиции и 38 % работников прокуратуры. При переводе допустимости насилия в план реализации вырисовывается удручающая картина. В рамках указанного выше опроса было выяснено, что по оценкам 37 % опрошенных сотрудников милиции пытки применяются часто, о том, что редко, но применяются, ответили 52 %. Ответы сотрудников прокуратуры распределились соответственно: 38 % опрошенных — часто, 48 % — редко. Цифры вполне сопоставимы: в первом случае 89 %, во втором — 86 %. Ситуация с 2004 года вряд ли изменилась, об этом свидетельствует все увеличивающееся число жалоб граждан, поступающих в комитет на применение к ним со стороны сотрудников милиции незаконных мер физического и психического характера. Такая ситуация с распространенностью пыток складывается не только в Красноярском крае. Л. А. Зашляпин отмечал, что 86 % опрошенных адвокатов Читинской области считают, что наиболее часто следователи и дознаватели допускают преступное принуждение к даче показаний¹. Опрошенные другим автором 270 сотрудников милиции и прокуратуры не только подтвердили тот факт, что отмечают адвокаты, но свидетельствуют о более широком распространении этого недопустимого в демократическом обществе явления. Только 4 % из опрошенных утверждали, что не применяют незаконных методов при получении показаний². Жестокий прессинг со стороны сотрудников правоохранительных органов приводит к тому, что обвиняемые признаются даже в совершении наиболее тяжких преступлений — убийств. Данные В. И. Санькова по Воронежской области за несколько лет свидетельствуют о том, что из 14 лиц, обвинявшихся в убийстве, невиновность которых впоследствии была доказана и уголовное преследование прекращено по реабилитирующим основаниям, 12 признались в совершении преступления³.

© Барабаш А. С., 2007

* профессор кафедры уголовного процесса Института естественных и гуманитарных наук Сибирского федерального университета (Красноярск, Российская Федерация), доктор юридических наук, профессор

¹ Зашляпин Л. А. Основы методики расследования должностной преступной деятельности следователей и дознавателей: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 1993. — С. 3.

² Бунева И. Ю. Уголовная ответственность за принуждение к даче показаний: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Омск, 2002.

³ Саньков В. И. Тактика допроса лица, признающего в совершении убийства // Криминалистические средства и методы исследования преступлений. — Воронеж, 1999. — С. 79.

Приведенные данные свидетельствуют не только о распространенности насилия, но и о том, что его применение при получении показаний — не тайна за семью печатями для прокурорских работников. Но знания об этом в большинстве случаев не перерастают в план реального противодействия. Основания для такого вывода были получены по результатам анализа отказных и прекращенных уголовных дел, представленных по нашей просьбе прокуратурой Красноярского края. Он кроме этого базируется на более чем четырехлетней практике автора по общественному расследованию жалоб пострадавших от незаконного насилия со стороны сотрудников правоохранительных органов. Достаточно большой объем имеющегося материала позволил выявить много нарушений, которые допускаются в прокуратуре при работе по этой категории жалоб. Наиболее типичные среди них:

1. Необоснованный отказ в возбуждении уголовных дел и проведении расследований;
2. Использование противоречащих закону оснований отказа в возбуждении уголовного дела или его прекращения;
3. Односторонность проверок или проведенного расследования. В большинстве случаев при оценке информации и доказательств предпочтение отдается тем, что получены от сотрудников милиции, даже если они противоречат другим, в том числе заключениям экспертиз;
4. Нарушение сроков, предусмотренных законом для решения вопроса о возбуждении уголовных дел, и необоснованно длительное их расследование, приводящее иногда к истечению сроков давности уголовного преследования;
5. Не проверяются причины, по которым заявители обращаются с просьбой прекратить преследование лиц, на которых ранее подавали жалобы;
6. Неправильная оценка фактов незаконных действий сотрудников милиции как правомерных.

При проведении проверок и расследований практически во всех случаях нарушаются нормы УПК и общепринятые правила проведения следственных действий, причем, применительно к фактам применения незаконных методов, эти нарушения носят специфический характер. Складывается впечатление, что налицо не только небрежность и недобросовестность, но также стремление выгородить сотрудников милиции, применяющих пытки, использовать любые возможности, чтобы не были собраны доказательства их вины. Иначе трудно объяснить те нарушения и их частоту, которые были выявлены.

В последние десятилетия вектор развития российской государственности был ориентирован на соблюдение общечеловеческих ценностей, что отражено в ст. 18 Конституции Российской Федерации. В ней подчеркивается, что права и свободы человека и гражданина «определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием». Смысл и содержание многих принятых после Конституции законов отражает эту установку, чего нельзя сказать о применении этих законов представителями органов государственной власти. Мышление — вещь консервативная, сформированное на базе прежних стереотипов неуважения к человеку, его правам, оно до сих пор определяет стиль отношения к нему. В сознании многих прокурорских работников не отложилось еще понимание того, что применение пыток является грубым нарушением ч. 1 ст. 21 Конституции РФ и международных Конвенций о защите прав человека и основных свобод. Возможной причиной является также корпоративная психология, в основе которой лежит совместная деятельность работников прокуратур и оперативных сотрудников милиции по раскрытию преступлений, в результате чего нарушения

со стороны оперативных сотрудников не воспринимаются как неправомерные, и тем более, преступные. Эта связка между прокурорскими работниками и сотрудниками милиции, ведущая к выгораживанию преступников в погонах, питается в определенной мере тем, что прокурор по закону является не только органом надзора за законностью предварительного расследования, но и процессуальным руководителем следователя. Существование этих двух функций у одного органа привело к тому, что они вступили в противоречие: невозможно обеспечить эффективный надзор за той деятельностью, соавтором которой являешься, будучи ее руководителем. Отвечая за результаты расследования, раскрываемость преступлений, прокуратура, в силу двойственности своей позиции, зачастую закрывает глаза на то, каким образом получен этот результат. В итоге — преступные действия сотрудников правоохранительных органов (пытки) при расследовании ими уголовных дел не находят должного реагирования со стороны сотрудников прокуратуры. Раскрытие преступлений — показатель, по которому оценивается деятельность милиции и прокуратуры. Обеспечение высокого показателя раскрываемости влечет за собой материальные поощрения: премии, внеочередное присвоение званий и классов чинов. В погоне за этим забывается закон, нарушаются права и законные интересы граждан. Исходя из материалов координационной конференции на тему «Коррупция и демократия», которая проходила под эгидой Совета Европы в Страсбурге с 20 по 21 ноября 2006 года, все указанное выше подпадает под то, что в документах конференции обозначается как практика коррупции.

В своем заключении и рекомендациях для России от 16 мая 2002 года Комитет против пыток ООН отметил в п. «з» в качестве одной из причин распространенности пыток «Недостаточный уровень независимости и эффективности прокуратуры, что, как было признано Государством, является следствием двойственной функции Прокуратуры по осуществлению уголовного преследования и надзору за надлежащим ведением следствия». При очередном рассмотрении доклада правительства России о соблюдении «Конвенции против пыток», которое проходило 6-24 ноября 2006 г. Комитет против пыток ООН вновь отметил недостаточный уровень независимости и эффективности прокуратуры и обязал государство «в приоритетном порядке ... предпринять усилия по реформированию прокуратуры, в особенности путем внесения поправок в Федеральный закон «О прокуратуре», чтобы обеспечить независимость и беспристрастность этого органа, а также отделить функции уголовного преследования от функций надзора за расследованием сообщений о фактах применения пыток. Государству следует создать эффективные и независимые механизмы надзора для обеспечения незамедлительного, беспристрастного и эффективного расследования всех таких сообщений, а также уголовного преследования и наказания виновных».

Участники конференции «Коррупция и демократия», на материалы которой мы ссылались выше, также подчеркивали важность авторитетного и независимого органа, который бы рассматривал и расследовал жалобы тех, кто пострадал от коррупционных действий. Одновременно они предлагают включать такие наблюдательные органы, сохраняя их независимость, в качестве неотъемлемой части в систему соответствующего органа, деятельность которого должна контролироваться. Как видим, в основных моментах — рекомендации совпадают.

Государственная Дума в этот раз достаточно быстро отреагировала на предложения международного сообщества. В марте этого года был принят в первом чтении законопроект о создании Следственного комитета прокуратуры РФ. Цель принятия этого документа — разграничение функций органов прокуратуры по

организации и проведению предварительного расследования по уголовным делам с функцией по осуществлению надзора за соблюдением законности при производстве дознания, предварительного следствия и рассмотрения уголовных дел в судах. Начальником следственного комитета предполагается первый заместитель Генерального прокурора РФ. Предусмотрен особый порядок назначения на эту должность: решение о назначении и освобождении будет принимать Совет Федерации по представлению Президента РФ.

Есть обоснованные сомнения, что принятие соответствующего закона и его реализация в корне переломят ситуацию с применением к гражданам сотрудниками милиции незаконных мер физического и психического насилия. В условиях России включенность Следственного комитета в структуру прокуратуры означает потерю независимости, прежде всего надзорной функции. Прокуратура, оставаясь органом расследования, как раньше, так и на будущее, будет связана показателями раскрываемости. Существующий рост преступности объективно обуславливает этот приоритет. Что таким решением, по сути, меняется? На наш взгляд — ничего. Полагаем, что функции надзора и процессуального руководства нужно не просто разделить в рамках одного органа, так как и в этом случае они остаются функциями одного органа. Функцию процессуального руководства следует изъять у прокуратуры, оставив только функцию надзора. Изъятие это возможно только при создании Единого следственного комитета. В этом случае прокуратура перестанет быть органом, ответственным за раскрываемость. Эффективность ее деятельности будет оцениваться по другим показателям.

Для совершенствования уголовно-процессуального механизма защиты граждан от незаконного насилия со стороны сотрудников правоохранительных органов предлагаем часть 1 ст. 37 УПК РФ изложить в следующей редакции:

«Прокурор является должностным лицом, уполномоченным в пределах компетенции, установленной настоящим Кодексом, осуществлять от имени государства надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия».

Из других статей Кодекса, регламентирующих его деятельность, исключить права по процессуальному руководству предварительным расследованием.

При выполнении этой функции прокурор должен исходить из правильного понимания тех ожиданий, которые связываются обществом с осуществлением уголовно-процессуальной деятельности. Попытка оформить эти ожидания законодателем предпринята в ст. 6 УПК РФ, где говорится о назначении уголовного судопроизводства. Но в ней отражено только уголовно-правовое назначение процесса. Процессуальные назначения остались за рамками. Применительно к теме статьи мы хотим указать на одно из них, принятие которого позволит подчинить деятельность прокуратуры интересам защиты и реализации законных уголовно-процессуальных прав участников процесса. Редакция его может быть следующей: «Назначение уголовного судопроизводства заключается также в том, что оно используется как средство защиты граждан от произвола органов государства при осуществлении последними уголовно-процессуальной деятельности».

Реализация назначений в полной мере будет возможна тогда, когда цели деятельности будут сформулированы адекватно им и в статье, говорящей о них, будет четко указано, что это цели деятельности органов государства. УПК РСФСР критиковался многими авторами за то, что редакция ст. 68 (в настоящее время — ст. 73) формировала у правоприменителей обвинительный подход, который является питательной основой, в том числе и для применения незаконных мер с

целью получения признательных показаний от обвиняемого. В тексте действующего УПК законодатель постарался учесть эти замечания, но сделал это не очень удачно. Упреки в формировании обвинительного подхода были бы сняты полностью, если бы вместо отсылки к главе 8 УК РФ, где приводятся обстоятельства, исключающие преступность деяния, было указано, что подлежат доказыванию обстоятельства, свидетельствующие о невиновности обвиняемого, т.к. приведенные в этой главе статьи — частные случаи ее отсутствия.

Кроме того, необходимо ввести в статью, говорящую о целях, часть 2 в следующей редакции: «Результат деятельности по установлению указанных обстоятельств может быть принят в том случае, если в ходе ее органы государства обеспечивали реализацию прав участников процесса».

Важность этого обусловлена тем, что доказывание — стержень уголовно-процессуальной деятельности, обстоятельства, установленные органами государства, могут быть положены в основание решения только в том случае, если при их установлении органы государства обеспечили реализацию прав участников процесса.

Законодатель, стремясь предотвратить случаи применения мер незаконного воздействия (пытки) с целью получения признательных показаний от подозреваемого, обвиняемого, закрепил в п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ положение, в силу которого к недопустимым доказательствам относятся: показания подозреваемого, обвиняемого, данные в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника, включая случаи отказа от защитника, и не подтвержденные подозреваемым, обвиняемым в суде. Подобное решение вопроса имеет ряд недостатков. Во-первых, в тех случаях, когда следователь не нарушает закон при получении показаний от подозреваемого и обвиняемого, в будущем он не может исключить возможности того, что обвиняемый в суде откажется от них. Для предотвращения признания этих показаний в суде недопустимыми следователь примет все меры к тому, чтобы при допросе присутствовал защитник и в случае, когда обвиняемый отказался от него. Таким образом, законодатель подталкивает следователя к нарушению закона, который право обвиняемого на пользование услугами защитника превращает в его обязанность. Во-вторых, на недобросовестных сотрудников правоохранительных органов рассматриваемое правило не оказывает профилактического воздействия. Редки случаи, чтобы сами следователи во время допроса применяли незаконные меры физического воздействия. К допросу, где против своей воли подозреваемый, обвиняемый будут давать признательные показания, их «готовят», как правило, сотрудники оперативных служб милиции. После такой подготовки, боясь применения еще более жесткого воздействия, подозреваемый и обвиняемый возьмет всю вину на себя и адвокат, в рамках допроса, зафиксирует то, от чего в суде обвиняемый уже не сможет отказаться, т.к. полученное доказательство, по смыслу закона, является допустимым. Таким образом, законодатель вместо того, чтобы обезопасить обвиняемого от пыток поставил его еще в более сложную ситуацию. Для выхода из нее предлагается новая редакция п. 1 ч. 2 ст. 74 УПК РФ:

«В качестве доказательств допускаются:

1) показания подозреваемого, обвиняемого, в которых они свидетельствуют о своей невиновности;»

В случае реализации этого предложения допустимыми будут признаваться только такие показания подозреваемого и обвиняемого, в которых они свидетельствуют о своей невиновности. Тем самым самоизобличающие показания этих лиц будут лишены для недобросовестных сотрудников правоохранительных органов притягательной силы, что позволяет надеяться на коренное снижение незаконного насилия с их стороны.

Принятие вышеуказанных предложений поставит деятельность сотрудников правоохранительных органов в более жесткие рамки, понудит внимательнее относиться к соблюдению законных прав и интересов граждан, но автоматически не гарантирует их реализацию. А значимым как раз и является последнее. Без предоставления активных прав заявителю и его представителям, среди которых необходимо выделить сотрудников правозащитных организаций, на коренное изменение ситуации надеяться не приходится. Обеспечение подотчетности представителей государственных органов для предупреждения злоупотребления их должностными полномочиями — одна из главных задач демократических обществ. В решении этой задачи не последнее место принадлежит правозащитным организациям.

В настоящее время ряд статей УПК РФ упоминает о заявителе (ст.ст. 124, 125, 141, 463), но вопрос о его правовом статусе подробно не регламентирован. По сути, основным правом заявителя является право на обжалование постановления об отказе в возбуждении уголовного дела (ч. 4 ст. 148 УПК РФ), но и реализация этого права в полной мере не гарантирована законодателем, т.к. заявитель, лишенный возможности ознакомиться с материалами отказного производства, далеко не во всех случаях может привести аргументы, свидетельствующие о необоснованности и незаконности вынесенного решения. Не могут ему помочь в защите его законных интересов в полной мере и правозащитные организации. В отличие от УПК РСФСР действующий УПК вывел за скобки общественность. Мы не сторонники вводить ее в процесс на той основе, что в УПК РСФСР. В нем общественность использовалась органами государства как помощник в борьбе с преступностью. В наше время организации общественности в уголовном процессе должны рассматриваться как институты гражданского общества, с помощью которых оно ставит под контроль деятельность органов государства. Приведенные в начале статьи данные опросов свидетельствуют о том, что это крайне необходимо.

